

Огненная судьба Евгения Павлова

И на передовой, и в пожарной охране он не раз рисковал собой

Дата 20 января 1949 года для Евгения Васильевича Павлова – одна из самых счастливых в жизни: в этот день он устроился работать в пожарную охрану Сыктывкара. «А ведь меня никуда не хотели брать на работу, – вспоминает Евгений Васильевич. – Болел я сильно. Из-за этого, говорили мне, работы пожарного не видать: мол, комиссию не пройдешь. Но начальник охраны Амбросимов, сам много в жизни переживший, меня защитил: «Мы его откормим, потом на комиссию пошлем». На комиссию меня так и не послали». Почти сорок лет отдал Павлов пожарной охране, пройдя путь от бойца до начальника караула.

...Простому пареньку из Ивановской области тогда, в январе 1949-го, было без малого двадцать три года, а всякое уже пришлось повидать. В 14 лет Женька, самый младший в многодетной крестьянской семье, начал работать в колхозе в родной деревне Слащиха. Наравне со взрослыми Янашка, так называли Женю родные, работал прицепщиком на тракторе. Однажды мальчишку чуть не задавило насмерть: сорвался с прицепа и упал в межу... Хорошо трактористка Таня Блинова заметила, что Янашка упал, и вытащила его из-под плугов.

В 1942-м отправили 16-летнего восьмиклассника Женю Павлова на военное строительство на Волгу. Там котлованы рыл, землю на себе носил. А после стройки по направлению военкомата Женька оказался на военных учениях: в сорока километрах от Горького в бывшем пионерлагере базировались гвардейские «Катюши». После девяти месяцев учебы на связиста в августе сорок третьего 17-летний Евгений Павлов попал на Карельский фронт. Сражался с немецкими фашистами и их союзниками – финнами.

– Я воевал в дивизионе «катюш» сначала радистом, потом связистом, – рассказывает Евгений Васильевич. – Непростое это дело – проложить телефонный кабель на огневую позицию, с которой передавали координаты фашистов. Их я сообщал командиру. А тот, сориентировавшись по прибору, давал команду боевому расчету. А потом «Катюши» давали свой знаменитый залп...

Много раз рядовой Павлов бегал искать разрыв кабеля в одиночку. Ругали его старшие: «Рискуешь! Может, немцы обнаружили наш кабель и специально оборвали его, чтобы заманить связиста в плен». Нужно было вдвоем ходить: один боец охраняет другого, а Женька жалел напарника Кулешова. «Он был пожилой и не мог за мной угнаться», – вспоминает Евгений Васильевич.

Линию телефонного кабеля приходилось крепить в основном на деревьях, а финны не скупались на минометные обстрелы наших «катюш». Деревья, когда падали, рвали телефонные провода.

– Капитан Румакин, командир наших «катюш», был очень строг, – рассказывает ветеран, – иногда слишком строг, не раз мне приходилось бежать под пули, чтобы срочно восстановить линию. Никогда не забуду один случай: дождь

хлещет, минометный обстрел, а капитан на тонких ногах в больших галифе мечется с пистолетом в руке и кричит: «Давай связь!» Наш командир взвода связи отвечает ему: «Товарищ капитан, перейдем на рацию, и будет у нас связь». А тот свое: «Давай связь, а то застрелю!». Мой командир приказывает мне: «Женька беги, а то ведь он точно застрелит!». Взял я винтовку, катушку кабеля, полевой телефон и бегом по линии огня. Нашел разорванный кабель, все зачистил, соединил, проверил, есть ли связь, и обратно. Командир взвода подходит ко мне: «Тебе лишние сто грамм наркомовских!». Я их старшему связисту Кулешову отдал...

Однажды в сорок четвертом в морозный зимний день после боя отправили Женьку с боевыми товарищами собирать патроны. Целый день ходили по лесам, по озерам. «Собирали мы патроны и любовались особенной карельской природой, – вспоминает Евгений Васильевич, – пока совсем не окоченели. Мороз жуткий стоял! У меня на сапогах тяжелые наледи образовались. Упал, идти не могу дальше, ног не чувствую. Стрелять стал – товарищей звать. Как оказалось, ноги я обморозил очень сильно. Нашу часть тогда на юг отправили, а меня – в госпиталь. Вторую группу инвалидности дали».

Три госпиталя пришлось сменить Евгению. Приехал как-то в последний госпиталь в Архангельской области лейтенант Овчинников из Коми АССР. Лейтенант работал на зоне в Верхнем Чове. Предложил работу выздоравливающим бойцам. Так 12 апреля 1945 года Евгений Павлов оказался в Коми. Поставили его стрелком на вахте, осужденных охранять. А девятого мая там же, в Чове, боец Павлов встретил Победу.

Демобилизовали Евгения в декабре 1948 года. Поехал в родную Слащиху. А там голод, работы нет. Отец сказал сыну: «Езжай обратно – хоть денег заработаешь, а здесь делать нечего, с голоду помрешь».

Так и связал Евгений Павлов свою судьбу с Коми и с пожарной охраной Сыктывкара.

– Наш третий караул самый лучший был, – вспоминает он. – Здесь все одинаково хорошо служили – и блатные, и нищие. А работы у нас хватало. В пятидесятые годы Сыктывкар, да и республика, деревянными в основном были. Пожары часто случались. Телефона пожарные не имели: связь между постовым и диспетчером велась по... трубе: один в нее говорит, второй с другого конца ухо прикладывает и слушает.

Тогда в пожарной охране выезжали по тревоге на лошадях. Зимой 1954 года отправили Евгения Павлов за машинами в Москву. Стоял жуткий мороз. Пять суток ехали на поезде, машины с охраной – на платформе. В Сыктывкар привезли их в целости-сохранности.

– Тяжелее всего было зимой работать, – рассказывает Евгений Васильевич. – Пожарные на открытых машинах приезжали после пожара обледеневшие, как ледяные снопы. Дневальный и еще один боец специально топили две железные печи, на которые относили приехавших с пожара бойцов, чтобы те оттаяли и согрелись. Постепенно оттаивал пожарный ремень, потом боевка, которую

снимали и меняли на сухую. Нередко бывало, что тут же вновь поступал вызов, и бойцы опять выезжали в мокрой одежде. Но никто из пожарных не жаловался на трудности, работали на совесть.

За долгие годы работы в пожарной охране были в жизни Евгения Павлова крупные пожары, которые врезались в память.

Как-то в 50-х годах прошлого века полыхало на Сыктывкарском ЛДК: горели штабеля пиловочника, огонь подбирался к электростанции. Начальник третьего караула Павлов с водителем автоцистерны Безносиковым подъехали к электростанции по мостовой, потом... разобрали ее, отрезав путь огню.

Вскоре после этого летом случился страшный пожар в Заречье: сгорели тридцать два дома.

– Жара стояла невыносимая, – рассказывает Павлов. – Огонь распространялся по Заречью с бешеной скоростью. Тогдашний министр внутренних дел республики Ногинов увидел меня и приказал: «Товарищ Павлов, руководите бойцами из воинской части, и не дайте распространиться огню еще дальше». А я смотрю, солдаты разбирают доски с сарая, а внутри сено... Одна искра – и огонь переметнулся с сеновала на соседний дом. Приказал, чтоб прекратили разбирать сарай. А пламя мы тогда в Заречье все же остановили...

Еще один памятный пожар есть в истории службы Павлова в пожарной охране. Загорелась республиканская больница – кто-то оставил включенным автоклав. Зима. Ночь. Здание больницы деревянное. По тревоге подняли дежурный караул, который незамедлительно выехал к месту вызова. Пожару был присвоен повышенный номер сложности. Позже к больнице подтянулись пожарные машины из других частей.

Тушили огонь, эвакуировали людей. Все обошлось – никто ни из медперсонала, ни из больных не пострадал. Огонь подбирался к кислородным баллонам, к счастью, их успели вынести в безопасное место. Если бы они взорвались, то ни от больницы, ни от близлежащих домов не осталось бы и щепки.

Работал Павлов честно и добросовестно, а иначе в пожарной охране нельзя. И никто никогда не слышал от него жалоб на самочувствие. Хотя подорванное на войне здоровье подводило все чаще.

Тогда Евгений Васильевич решил черпать силы в природе. Зарплата в 50-е годы у Павлова была не самая большая, но и не самая маленькая по сравнению с другими – 280 рублей. Откладывал стал понемногу. Накопил денег – купил охотничье ружье, заказал лодку деревянную. И стал в свободное время в лес ходить, на речку. Охотился. Рыбачил. «Желудок болел, сердце шалило – выправился», – говорит Евгений Васильевич.

А для души начальник пожарного караула Павлов рисовать стал. С детства, признается Евгений Васильевич, у него страсть была к рисованию: в школе всегда пятерку ставили. «Да и на войне, – вспоминает Павлов, – сидишь, бывало,

с котелком и ножичком на нем рисуешь – повариха художествами моими очень довольна была».

Сначала он акварелью выписывал пейзажи, оставшиеся в памяти после походов лес и на реку, потом на масляные краски перешел. Уже, будучи на заслуженном отдыхе, как-то пришел в выставочный зал объединения художников-любителей «Серпас» со своими картинами. Показал их председателю клуба художников Ирине Земцовой: «Будет из меня толк или нет – посмотрите». Увидела художница в творениях самоучки зерно и стала помогать Павлову в его творчестве.

– При рисовании спешить не надо, а я спешу – раз-два и готово! – говорит Евгений Васильевич. – Мне хочется, чтобы быстрее картина появилась.

На его картинах – лес, небо, реки, глухари, волки, олени. Названия полотен говорят сами за себя – «Восход солнца», «Зимнее утро», «Ясный день», «Лунная дорожка», «Зимний лес», «Глухарь», «Охота». Многие из них выставлялись в свое время в «Серпасе», в других организациях Сыктывкара.

– Вот эта не получилась – надо порвать, – показывает Евгений Васильевич запечатленный восход солнца. – Не так я хотел его передать, не хватает здесь чего-то. Или пусть полежит, может догадаюсь, чего не хватает...

Ветеран и сейчас так же ходит на охоту, на рыбалку. Верный его помощник – пес по кличке Соболь. «Старый уже – двенадцать лет, если на человеческий возраст перевести, уже за семьдесят получится, – говорит Евгений Васильевич, – а в лес все равно с удовольствием бежит, белку хорошо ищет».

...На просьбу показать награды, заработанные им, Евгений Васильевич заулыбался: «Да какие там награды! Это все юбилейные медали!». Поскромничал. Медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», «За доблестный труд», знак «Отличный пожарный» просто так не вручают. Их тоже надо заслужить...

Наталья КРЫЛОВА.